

7 $\frac{26}{62}$

B. 2

62

А

РУССКІЯ ДРЕВНОСТИ

ВЪ ПАМЯТНИКАХЪ ИСКУССТВА,

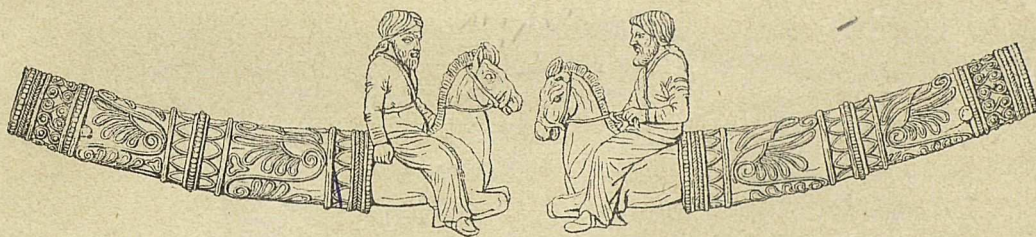
ИЗДАВАЕМЫЯ

графомъ И. ТОЛСТЫМЪ и Н. КОНДАКОВЫМЪ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

ДРЕВНОСТИ СКИФО-САРМАТСКІЯ.

Съ 147-ю рисунками въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1889.

А

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 августа 1889 года.

Типографія Министерства путей сообщенія (А. Бенке), Фонтанка 99.

2007042930

1. Группа Скифовъ на вазѣ изъ Куль-Обскаго кургана.

Отъ самыхъ склоновъ Памира, тамъ, гдѣ выходятъ изъ горъ рѣки Оксъ (Аму-Дарья) и Яксартъ (Сыръ-Дарья), беретъ свое начало широкая степь, связывающая, поверхъ Каспійскаго моря, Азію съ Европою. Связь эта по физическому строенію страны настолько полная, что нельзя бы было провести опредѣленной границы между двумя частями свѣта. Повсюду та-же равнина, то затянутая глиною, то засыпанная пескомъ, изрѣдка прерываемая холмистыми кряжами, солончаками, болотами. Русскій естествоиспытатель Сѣверцовъ выразилъ мнѣніе, что флора Южной Россіи простирается до бассейна Енисея. То-же распространеніе имѣла въ древности фауна южно-русскихъ степей. Еще въ XVII вѣкѣ водились въ Украинѣ туръ, кабанъ и дикіе кони.

Необозримая ширь степей ограничивалась съ Юга горными кряжами и морями, а съ Сѣвера непроходимыми для номада лѣсами и болотами. Только лѣсныя болотистыя чащи сдерживали распространеніе кочевника, переходившаго безпрепятственно за своими стадами и двигавшагося въ однихъ климатическихъ условіяхъ съ береговъ Аральскаго моря къ устьямъ Дуная. Уже на глазахъ исторіи свершилась перемѣна въ характерѣ почвы и климата Средней Азіи, нынѣ на громадныхъ пространствахъ заносимой песками, и культурное отдѣленіе отъ нея степей Южной Россіи. Благодаря, прежде всего, отсутствію естественныхъ преградъ, именно по этому степному поясу проходила въ древности вся масса разнородныхъ племенъ, наводнившихъ затѣмъ Европу.

Такъ, тождество конскихъ удилъ и уборовъ Сѣверной Италіи съ ассирійскими въ древнѣйшую эпоху и съ кавказскими въ періодъ римской имперіи объясняется непосредственнымъ переходомъ въ Италію конныхъ отрядовъ изъ прикаспійскихъ степей. Путь народныхъ передвиженій былъ и главнымъ путемъ торговли, а съ нею и культуры.

Кочевникъ, по условіямъ своего быта, являлся въ древности естественнымъ посредникомъ въ дѣлѣ обмѣна культурныхъ произведеній отдаленныхъ другъ отъ друга культурныхъ центровъ. Привыкнувъ въ своемъ скитаніи сталкиваться съ разноплеменными формами быта и различными потребностями, онъ рано сознаетъ выгоды мѣновой торговли и создаетъ караванные пути. Личныя потребности кочевника крайне ограничены, и въ глазахъ земледѣльца, окруженнаго многочисленными постройками и орудіями, обстановка кочеваго племени представляется бѣдною, бездомовною. Эти потребности касаются личнаго убора, переноснаго жилья, въ видѣ кибитки и юрты, съ ихъ незамысловатыми приспособленіями на разныя времена года. Не будучи привязанъ къ клочку земли, кочевникъ считаетъ стоянку своею родиною, и кочевая орда, перенесшая свой таборъ иногда въ далекія страны, помнитъ о ней, какъ о своемъ отечествѣ, въ которомъ она оставила своихъ погребенныхъ родичей. Общій священный родовой некрополь, устроившійся на мѣстѣ прежняго кочевья, связываетъ вольныхъ кочевниковъ въ одно племя, хотя и живущее въ разбродѣ. Такъ, древняя Халдея продолжала служить усыпальницею для царства Ассирійскаго и древнѣйшій Сарай, близъ устья Волги (Селитряное), для Великаго Сарая, у отдѣленія Ахтубы (нынѣшній Царевъ).

Кочевое племя не терпитъ на пути своего кочевья присутствія осѣдлаго населенія; слабыя, одиночныя поселенія вытѣсняются, отъ сильныхъ кочевникъ самъ уходитъ назадъ; но онъ переходитъ въ осѣдлое состояніе, понуждаемый потерей своего стада, всего имущества, или привлекаемый къ тому особо выгодными условіями земледѣлія.

Привязанность кочевника къ своему быту проистекаетъ столько-же отъ легкаго удовлетворенія несложныхъ его нуждъ, сколько отъ той поэтической стороны вольной кочевой жизни, въ которой отсутствуетъ тяжелый трудъ земледѣльца, а повседневныя явленія разнообразятся постоянными переменами мѣста и богатствомъ впечатлѣній природы. Въ самой орнаментациі предметовъ личнаго убора кочевникъ предпочитаетъ видѣть воспроизведеніе окружающей природы — растений, птицъ, хищныхъ звѣрей и домашнихъ животныхъ. Къ тому-же личному убору онъ относитъ убранство своего коня и нерѣдко навѣшиваетъ на его узду женскія украшенія, на которыя ему нѣтъ нужды скупиться.

Довольствуясь исключительно пищею отъ своихъ стадъ и молокомъ кобылицъ въ свѣжемъ или сквашенномъ видѣ, кочевникъ всѣ свои излишнія пріобрѣтенія расходуетъ на богатые и сложные уборы, собственные, своей семьи и своихъ коней. Въ характерѣ этихъ уборовъ сказывается, прежде всего, неизмѣнный въ теченіи тысячелѣтій кочевой бытъ, съ его наѣздничествомъ, съ его лихими охотами, какъ главнымъ развлеченіемъ. Земледѣлецъ, будучи принужденъ обстоятельствами войны и похода къ бродячей жизни, заимствуетъ тогда отъ кочевника его обстановку и уборы, какъ наиболѣе приложимые къ данному случаю. Кочевникъ всегда остается при своихъ вкусахъ, не имѣя поводовъ къ ихъ переменѣ, и передвинувшись изъ глубины Средней Азіи на берега Дона, продолжаетъ получать свои украшенія и свое оружіе изъ отдаленной Персіи, приспособляя къ ихъ образцу и издѣлія новыхъ мѣстъ, и свои заказы.

Такимъ образомъ, необозримый поясъ степей, окаймляющихъ срединную Россію